
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

CONSTITUTIONAL LAW AND ADMINISTRATIVE LAW

УДК 342.41

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ВЗАИМОСВЯЗИ ПРАВА И ВЛАСТИ

С. А. ГРАЧЕВА¹⁾

¹⁾Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
ул. Большая Черёмушкинская, 34, 117218, г. Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается конституционализм через институциональные гарантии взаимосвязи права и власти, изучение которых с точки зрения развития моделей (формул) контроля в механизме власти на основе права недооценивается в доктрине. Между тем эволюция такого контроля свидетельствует об укреплении взаимосвязи права и власти в части повышения значимости права при увеличении его функциональности, позволяющем трактовать право шире, нежели только с позиции актов государственно-властного правотворчества. Целью работы является обоснование вариантов концептуализации гарантий взаимосвязи права и власти с учетом развития моделей контроля, способствующих усилению или ослаблению воздействия права на властотношения, что также показывает тип конституционализма (классический, постклассический, неклассический). Результатом исследования выступает установление направления неклассической концептуализации формулы контроля в механизме власти, характеризующего существующие правовые юрисдикции (развитие модели контроля исполнения и применения законодательства как отражение воздействия права на власть на определенном этапе юридического процесса).

Ключевые слова: конституционализм; гарантии взаимосвязи права и власти; контроль в механизме власти; регламентарная власть; судебный контроль.

Образец цитирования:

Грачева С.А. Конституционализм: институциональные гарантии взаимосвязи права и власти. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2024;2:3–10. EDN: HWDVPJ

For citation:

Gracheva SA. Constitutionalism: institutional guarantees of the interrelation between law and power. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2024;2:3–10. Russian. EDN: HWDVPJ

Автор:

Светлана Александровна Грачева – кандидат юридических наук; старший научный сотрудник центра судебного права.

Author:

Svetlana A. Gracheva, PhD (law); senior researcher at the centre of judicial law.
gracheva.lana17@gmail.com

CONSTITUTIONALISM: INSTITUTIONAL GUARANTEES OF THE INTERRELATION BETWEEN LAW AND POWER

S. A. GRACHEVA^a

^a*Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
34 Bolshaya Cherjomushkinskaja Street, Moscow 117218, Russia*

Abstract. The article is devoted to understanding of constitutionalism through institutional guarantees of the relationship between law and power, the consideration of which in the doctrine is underestimated from the point of view of conceptualising formulas of control and checking in the mechanism of power based on law. Meanwhile, the evolution of such controls indicates the dynamics of the relationship between law and power in favour of increasing the role of law while expanding its functionality, allowing us to look at law more broadly than just from the position of acts of state rule-making. The purpose of the work is to substantiate options for conceptualising the guarantees of the relationship between law and power taking into account formulas of control and checking as contributing to strengthen or weaken the impact of law on power relations, which also shows the type of constitutionalism (classical, post-classical, non-classical). The results of the study also consist in highlighting the direction of non-classical conceptualisation of the formula of control and checking in the mechanism of power that characterises existing legal jurisdictions – this is the model for control the execution and application of legislation as a reflection of the impact of law on power at a certain stage of the legal process.

Keywords: constitutionalism; guarantees of the interrelation between law and power; control in the mechanism of power; regulatory power; judicial control.

Постановка проблемы: взаимосвязь права и власти как динамическая основа установления конституционализма

Конституционализм представляет собой многомерное понятие. Данное свойство подтверждается трактовками, указывающими на то, что оно может раскрываться по-разному. Зачастую понятие «конституционализм» рассматривается в качестве гносеологической конструкции, значимой для исследования отраслевых сфер юриспруденции или развивающихся правовых феноменов в связи с их сочетаемостью с конституционными терминами и нормами: известны такие активно употребляемые обозначения, как экономический конституционализм, судебный конституционализм, коммуникативный конституционализм и др. [1; 2].

Между тем некоторые исследователи обращают внимание на конституционализм как явление правовой жизни, выделяющее те ожидания от права, что позволяют характеризовать его в качестве части социальной реальности. Именно эта сторона во многом придает конституционализму ценность, которая становится объектом исследовательской работы последних десятилетий в мировом правоведе-нии. Для примера приведем следующий тезис: «Либерализм, возможно, не одержал глобальную победу на сегодняшний день, как некоторые предсказывали, однако конституционализм определенно одержал ее»¹ [3, р. 69]. Этому высказыванию созвучна мысль С. А. Авакьяна о том, что конституционализм – это «идеал, к которому должно стремиться общество, идущее по пути социального прогресса» [4, с. 383]. Одновременно закономерна дискуссионность вопроса о том, какое определение или понимание конституционализма могло бы в достаточной мере отвечать его миссии.

Оправданным видится изучение нескольких способов рассмотрения конституционализма. Известно, что наиболее распространенным является определение конституционализма как политико-правового режима жизни общества, основанного на конституционных методах правления и действиях конституционных правоположений, проистекающих из контекста конституционного развития, в свете общемировой тенденции универсализации конституционно-юридической аксиологии, обеспечиваемой конституционным правосудием [4, с. 383; 5, с. 225–226].

Ряд дефиниций понятия «конституционализм» показывают его связь с установлением природы права. В этом плане отметим значение вывода В. В. Лазарева о том, что «конституционализм суть явление права, и любая его характеристика зависит от понимания права» [6, с. 39]. Исследователи не ограничивают объяснение конституционализма только юридическими факторами (среди которых особое место занимает конституция), а рассматривают его как явление ценностно-культурологическое, т. е. акцентирующее «причинность» права, позволяющее конституционализму претендовать на философско-правовое обоснование научности юриспруденции [7].

Одновременно можно выделить способ рассмотрения конституционализма в качестве явления, свойственного закономерности развития права как такового. В данном случае важно заметить, что конституционализм – это динамическое явление. Данная идея чаще всего опосредуется категорией конституционализации, без которой представления о конституционализме не могут считаться полными.

¹Здесь и далее перевод наш. – С. Г.

Наиболее верной представляется характеристика конституционализации, в основе которой лежат два взаимообусловленных процесса. С одной стороны, конституционализация выражена «подчинением... деятельности органов публичной власти структурам, процессам, принципам и ценностям конституции» [8, р. 50–51]. Это положение можно считать современной формулировкой проблематики «рационально-правового типа власти» [9, с. 18, 31]. Данное направление в российском правоведении берет свои истоки в трудах дореволюционных юристов: например, С. А. Котляревский сформулировал мысль о том, что «власть в современном государстве принимает все более и более правовой облик» [10, с. 214]. С другой стороны, конституционализация обозначает расширение функциональности права, раскрывающее его в связи с выполнением не только регуляторной (регламентарной) функции (при издании конкретных юридических актов), но и охранительной функции. При этом учитывается социальное целеполагание права, определяемое его стабильностью и предсказуемостью в широком понимании, которое делает право ожидаемой частью социальной среды (проблема эффективности правового регулирования в таком направлении исследовалась в советском правоведении [11]). При данном подходе за базис конституционализации справедливо принимать «конституционные принципы и нормы, которые содержатся в различных правопорядках, могут взаимно дополнять друг друга», обозначая идею «автономного правового источника» [12, с. 330].

Верно признать, что в сфере конституционализации важное значение имеет философско-правовая проблематика юриспруденции, т. е. взаимосвязь права и власти [13]. Рассмотрение права и власти в сочетании друг с другом создает в соответствующих диалектико-смысловых координатах динамическую основу конституционализма, определяет постановку вопроса взаимосвязи, равно как и поиск ответа на него, в качестве исторической задачи конституционализма. На данное обстоятельство обращал внимание А. Д. Градовский при исследовании «юридических условий» и «способа и формы осуществления верховных прав» [14].

В период существования СССР право по отношению к государственной власти привычно рассматривалось как форма и средство ее обеспечения.

Гарантии взаимосвязи права и власти: классическая концептуализация разделения властей

Известно, что зарождение классической формулы контроля в механизме власти приходится на XVII–XVIII вв., когда была теоретически обоснована концепция разделения властей. Содержание этой формулы определено подходом к институциона-

Сравнительно недавно эта точка зрения поддерживалась классово-идеологическим подходом к праву и получала объяснение через идеи фактического соотношения сил в обществе [15, с. 8]. В дальнейшем она нашла отражение в нормативно-этикетской трактовке права, связанной с его пониманием в качестве регламентарной власти². В данном случае, хотя властеотношения опосредуются правом и его воздействием, речь идет о проявлении регламентарной функции права в части принципов властеотношений.

В целом развитие мировой конституционно-правовой мысли и практики указывает на эволюцию взаимосвязи права и власти, что можно связывать с исключением упрощенного понимания права только как формы регламентарной власти (государственно-властного нормотворчества) и рассмотрения права в качестве источника власти. В числе признаков вышеупомянутой эволюции приведем следующие:

- власть рассматривается как объект правового воздействия, притом по субъектному содержанию данное понятие не исчерпывается категорией «государственная власть»³;
- рационализации власти сопутствует идея контроля и, поскольку в основе власти всегда «намерение контроля» («всякий контроль – это власть» [17, с. 11]), ее рационализация происходит через дифференциацию и разграничение контроля в механизме власти;
- контроль в механизме власти обеспечивается правовыми средствами, что допускает рассмотрение функциональности права как источника контрольной власти по отношению к пределам осуществления публичной власти.

Можно признать, что эволюция взаимосвязи права и власти обусловлена социальным запросом на рационализацию власти средствами права и наиболее заметна через формирование и установление гарантий такой взаимосвязи. Содержательно гарантии взаимосвязи права и власти выражают формулы контроля публичной власти на основе права, содействующие усилению или ослаблению его воздействия на власть, что также позволяет выделить следующие типы конституционализма: классический (традиционный), постклассический (многоуровневый), неклассический (не получивший распространения и признания в качестве универсальной тенденции).

лизации власти, при котором продвигается идея взаимного контроля между институтами (ветвями) государственной власти, что в конечном счете обеспечивает ее самоограничение при усилении роли права.

²Отметим, что термин «регламентарная власть», по существу, выражая собой комплексный взгляд на имеющие общий характер и даже силу закона акты администрации, государственного управления, является наиболее оптимальным для характеристики сущности нормативно-этикетского подхода к праву [16].

³Различие понятий «государственная власть» и «публичная власть» в российской доктрине не исчерпывается рассмотрением публичной власти как более широкого понятия только за счет включения в него негосударственного уровня такой власти, как местное самоуправление. Понятие публичной власти также охватывает проблематику общественной власти [4, с. 446].

Предложенное разделение властей представляет собой не только и не столько предмет правового регулирования через установление функционально неодинаковых институтов власти, а также их полномочий, иначе вернее было бы говорить о концепции эффективного управления, разделении труда. Речь идет об обеспечении средствами права рационализации власти, которая выражена выделением ее наиболее значимых ветвей, самостоятельная роль каждой из которых в механизме власти определена функциональной спецификой. Обозначение соответствующих ветвей, равно как и рассмотрение проблемы их подотчетности друг другу, было неодинаковым в трудах главных мыслителей в этой области [18, с. 133–138, 201–208; 19, с. 116–120].

Так, Дж. Локк делал особый акцент на установлении ветвей власти и их сравнении с законодательной (можно сказать, регламентарной) властью, которая, «хотя и является верховной властью в каждом государстве... не может быть абсолютной», но по отношению к ней другие ветви (исполнительная, федеративная власть) имеют более подотчетный характер, поскольку «первым и основным положительным законом всех государств является установление законодательной власти» [18, с. 133–134].

Постулат «право – масштаб судебного контроля» как формула современного (постклассического) конституционализма

Важной формулой контроля, акцентированной после событий Второй мировой войны, является следующий постулат: «Право – средство (масштаб) судебного контроля»⁴. Она характеризует современный конституционализм, а также связывается с действием доктрины верховенства права (опосредованной международными стандартами в области защиты прав), контролем ее применения и толкования в рамках межгосударственной судебной практики.

Нередко выделение такого направления конституционализма предлагается рассматривать как лежащее в другой плоскости, в отличие от контроля в механизме государственной власти, что объясняет и его название – судебный (многоуровневый) конституционализм. Притом обсуждаемым является вопрос о некоторой идеализации права как арбитра интересов, возвышающей его над властеотношениями: отметим, что тема власти рассматривается в категориях «юрисдикция», «пределы усмотрения», «правовой суверенитет», что закономерно отмечается как тенденция фрагментации власти [23; 24].

Однако нельзя не признать в связи с вышесказанным определенное развитие проблематики разделения властей. С одной стороны, ее новизна

Ш. Л. де Монтескье, в свою очередь, предлагал идею разделения властей, чтобы она служила их взаимному сдерживанию от крайностей [19; 20, с. 37–46]. Он также обратил внимание на то, что в основе данного разделения лежит природа самого права, выраженная различием сущности законов. Отметим, что разделение властей было обосновано в связи с необходимостью соответствия «положительных (человеческих) законов» иным законам (связанным с природой, условиями жизни общества и законами справедливых отношений) [18, с. 188–189; 21].

Таким образом, квинтэссенцией концепции разделения властей можно признать сформулированное в терминологии механизма (институтов) власти положение о воздействии закона (права) на власть, получившее юридическое закрепление еще в Великой хартии вольностей 1215 г. (например, ст. 39).

В современной конституционной доктрине и практике формула разделения властей в основном понимается как конституционное право, выражением которого рассматривается часто цитируемое положение ст. 16 Декларации прав человека и гражданина: общество, где не обеспечена гарантия прав и нет разделения властей, не имеет конституции.

заключается в очевидной взаимосвязи права и власти не только через государственные институты, что также связывается с «новыми уровнями конституционно значимого процесса принятия решений» [24, р. 34]. С другой стороны, показывается этап эволюции контроля власти на основе права, акцентирующий собственную ценность и функциональность последнего. Одновременно судебный контроль все более отчетливо выступает гарантией права (принципов права) по отношению к регламентарной власти. Данное обстоятельство находит признание в положении, согласно которому «в контексте доктрины разделения властей суды обязаны обеспечить осуществление власти другими ветвями в пределах конституционного контекста» [20, р. 38].

Подчеркнем, что именно оформление и воплощение судебного контроля принято рассматривать как практическое применение доктрины сдержек и противовесов (*checks and balances*) – ключевой составляющей разделения властей в контексте идеи контроля. Известно, что оформление судебного контроля связано с первым судебным делом в данной области (Мэрбэри против Мэдисона, 1803). Данное дело принято ассоциировать в первую очередь

⁴Отметим, что приведенная формула отсылает к концепту судебной гарантии конституции по Кельзену, определяющему конституцию не только как критерий правомерности любых иных юридических актов, но и как составляющую понимания права, которое, «доходя до актов материального исполнения (*Vollstreckungsakte*), конкретизируется от одной ступени к другой ступени» [22, с. 6]. Для конституции, которая выступает в качестве конкретного юридического акта, имеющего учредительное значение для правопорядка, также справедливо то, что она отражает в себе уровень правопорядка, который является «продуктом права по отношению к уровню нижестоящему и репродукцией права по отношению к уровню вышестоящему» [22, с. 6].

с принципом, согласно которому Верховный суд США, прежде чем получить право применить закон Конгресса США (в данном случае положения Акта о судоустройстве) в качестве высшего закона страны, должен решить вопрос о его соответствии конституции [26, с. 58–59]. Таким образом, для континентальной правовой традиции значение данного дела заключается в установлении конституционного контроля, которое впоследствии стало рассматриваться с учетом двух ключевых моделей его осуществления, при этом наиболее дискутируется сочетание такого контроля с классическим пониманием разделения властей [27].

Одновременно в англо-американской конституционной доктрине названное дело анализируется при учете двух его составляющих: обозначения конституции, толкование которой обусловлено предусмотренными в ней возможностями, как «живого инструмента» и установления судебной защиты от административных актов, не соответствующих закону и конституции, что отвечает сути судебного контроля регламентарной власти [28].

Аспекты неклассической концептуализации юридической формулы контроля в механизме власти

В силу дискуссии вокруг сложившегося представления о разделении властей и специфики его развития, отражающих эволюцию взглядов на взаимосвязь права и власти, возможность неклассической концептуализации формулы контроля в механизме власти, характеризующей существующие правовые юрисдикции, как правило, остается незамеченной.

Среди существующих правовых юрисдикций можно выделить модель контроля исполнения и применения законодательства как проявление контроля регламентарной власти, что позволяет обозначить в качестве центрального вопрос воздействия права на власть на определенном этапе юридического процесса. Такая модель выражается в следующем. Во-первых, в ней имеет место этап юридического процесса, который не позволяет идентифицировать контроль с проверкой правотворческой дискреции (ее пределов), в связи с чем вопрос непосредственного применения конституции (не с позиции ее законодательной конкретизации) является едва ли не наиболее трудным в конституционном дискурсе. Во-вторых, правосудие редко объясняется как ключевое звено в правоконтрольных отношениях, хотя во многом благодаря наличию у судов специальных юрисдикционно-процессуальных условий (прежде всего полномочий и процедур по нормоконтролю) такие правоотношения формируются и становятся возможными. В-третьих, в основном осмысление контроля идет по пути его рассмотрения как составляющей функции различных государственных органов, что объясняется их законодательными полномочиями.

Надо отметить, что, в отличие от института конституционного контроля, понятие судебного контроля регламентарной власти терминологически встречается значительно реже, однако оно входит во многие конституционные тексты (и не только в контексте судебного обжалования актов государственного управления, но и в соответствующем широком смысле). Например, согласно ст. 106 Конституции Королевства Испания суды осуществляют контроль реализации регламентарной власти, законности действий администрации.

Отметим важную характеристику осуществления контроля в механизме власти, определяемую тенденцией «возвышения» судов в этом процессе, – обозначение роли аргументирования на основе права [29] и сопутствующее признание воздействия права посредством добросовестного выполнения обязательств. Однако наиболее трудный вопрос заключается в политико-управленческом (властном) воздействии такого контроля, что также требует осмысления в контексте развития институциональных гарантий взаимосвязи права и власти на современном этапе.

Названная модель контроля может характеризовать и постсоветский (в частности российский) опыт, в том числе по той причине, что исторически, если рассматривать точкой отсчета дореволюционное правоведение, сложилось сдержанное отношение к классическому разделению властей, однако, как известно, в период «конституционной перестройки» данный принцип получил признание в качестве основы конституционного строя соответствующих государств (см., например, ст. 10 Конституции Российской Федерации). Кроме того, вопросы взаимосвязи права и властеотношений в основном исследовались в контексте регламентарной власти, т. е. форм правотворчества государственных органов и системы законодательства, хотя проблема права *per se* (равно как и механизма правового регулирования) получала обособленную теоретическую разработку [30].

Отметим, что идея контроля актов позитивного права (регламентарной власти) имела собственное развитие в связи с потребностью установления «юридических гарантий осуществления правовых норм», поскольку получил признание тот факт, что без данных гарантий законы, охраняющие интересы государства и граждан, не соблюдаются автоматически правильно, точно и неуклонно [31, с. 21]. Соответственно, особая роль отводилась институту контроля и надзора исполнения (при этом предлагалось рассматривать прокурорский надзор, административный надзор, институт судебной защиты прав граждан как его составные элементы) [31, с. 23–25]. В настоящее время институт контроля и надзора получает разработку прежде всего в части вопросов контроля в области

государственного (административного) управления: например, в Российской Федерации вопросы государственного контроля (надзора) и муниципального контроля стали предметом комплексного урегулирования в специальном федеральном законе 2020 г. В отношении института судебного контроля заметим, что он рассматривается преимущественно в ряду других контрольных полномочий и процедур с учетом законодательно предоставленной судам компетенции. Таким образом, актуальным становится вопрос о роли правосудия при контроле

применения (исполнения) законов по отношению к другим органам контроля и надзора.

Схожий подход к проблематике контроля можно встретить в конституционном праве Китая: «...народные суды, народные прокуратуры и органы общественной безопасности при рассмотрении уголовных дел делят свои функции, каждый из них несет ответственность за свою работу; они координируют свои усилия и проверяют друг друга для обеспечения правильного и эффективного правоприменения» (ст. 140 Конституции Китайской Народной Республики).

Заключение

Исследование конституционализма в аспекте гарантий взаимосвязи права и власти, акцентирующих формулы контроля в механизме власти на основе права приводит к вопросу о возможности выделения контрольной власти.

В контексте гарантирования взаимосвязи права и власти очевидным становится значение развития контрольной власти с соответствующим целеполаганием для того, чтобы она могла быть действенной формой и инструментом конституционализации. В силу этого актуален вопрос о том, можно ли контрольную власть понимать в качестве так называемой дисперсной системы, т. е. не конкретно-

институционализированной сферы воздействия, существующей в той степени, в которой обеспечивается право *per se*.

В целом сфера контроля остается наиболее проблемным направлением разделения властей, при этом не менее важным. Кроме того, именно процесс установления и развития формул контроля показывает, что разделение властей – явление не статичное [20, с. 37]. Чаще всего этот тезис доказывается случаями из судебной практики, указывающими на специфику различных социокультурных систем и национальных моделей взаимосвязи права и власти.

Библиографические ссылки

1. Бондарь НС. *Экономический конституционализм России: очерки теории и практики*. Москва: Норма; 2021. 272 с.
2. Кравец ИА. Коммуникативный конституционализм, конституционное вовлечение и гражданство в публично-правовом пространстве алгоритмического и информационного общества. *Lex Russica*. 2023;76(11):41–56. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.11.041-056.
3. Marmor A. Are constitutions legitimate? *Canadian Journal of Law and Jurisprudence*. 2007;20(1):69–94. DOI: 10.1017/S0841820900005701.
4. Авакьян СА. *Конституционный лексикон. Государственно-правовой терминологический словарь*. Москва: Юстицинформ; 2015. 639 с.
5. Витрук НВ. *Верность Конституции*. Москва: РАП; 2008. 272 с.
6. Лазарев ВВ. Об интегративном понимании конституционализма. *Журнал российского права*. 2023;5:39–53. DOI: 10.12737/jrp.2023.050.
7. Горбань ВС. О характере правовых взглядов Р. Иеринга. *Правосудие*. 2021;3(4):30–41. DOI: 10.37399/2686-9241.2021.4.30-41.
8. Loughlin M. What is constitutionalisation? In: Dobner P, Loughlin M, editors. *The twilight of constitutionalism?* Oxford: Oxford University Press; 2010. p. 48–73.
9. Вебер М. *Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2016. 448 с.
10. Котляревский СА. *Власть и право: проблема правового государства*. Москва: Издательство Г. А. Лемана, С. И. Сахарова; 1915. 417 с.
11. Глазырин ВВ, Кудрявцев ВН, Никитинский ВИ, Самощенко ИС. *Эффективность правовых норм*. Москва: Юридическая литература; 1980. 280 с.
12. Петерс А. Правовые системы и процесс конституционализации: новое определение соотношения. *Дайджест публичного права*. 2013;2:239–333.
13. Графский ВГ, Славин ММ, редакторы. *Философия права и конституционализм. Материалы четвертых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца; 2 октября 2009 г.; Москва, Россия*. Москва: ИГП РАН; 2010. 241 с.
14. Градовский АД. *Государственное право важнейших европейских держав*. Санкт-Петербург: Пантелеев; 1895. 561 с.
15. Лассаль Ф. *Сочинения. Том 2*. Санкт-Петербург: Издание Глаголева; 1905. О сущности конституции; с. 3–32.
16. Лейст ЭО. Три концепции права. *Советское государство и право*. 1991;12:3–11.
17. Чиркин ВЕ. *Контрольная власть*. Москва: Юрист; 2008. 214 с.
18. Веденеев ЮА, Зайцев ИВ, Поляков ЛВ, составители. *Политические институты, избирательное право и процесс в трудах западноевропейских мыслителей XVII – начала XX века*. Вешняков АА, редактор. Калуга: Символ; 2003. 881 с.
19. Геворкян МВ. Истоки теории разделения властей. *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2010;11:116–120.

20. Mojapelo Ph. The doctrine of separation of powers (a South African perspective). *Advocate. Journal of General Council of the Bar of South Africa*. 2013;26(1):37–46.
21. Тихомиров ЮА. О новом «духе законов» или... прощай, Монтескьё? *Сравнительное конституционное обозрение*. 2011;2:97–104.
22. Кельзен Г. Судебная гарантия конституции (конституционная юстиция). Часть 1. *Право и политика*. 2006;8:5–14.
23. MacCormick N. Beyond the sovereign state. *Modern Law Review*. 1993;56(1):1–18.
24. Eleftheriadis P. Power and principle in constitutional law. *Netherlands Journal of Legal Philosophy*. 2016;2:37–56. DOI: 10.5553/NJLP/000052.
25. Уитц Р, Шайо А. Суверен наносит ответный удар: судебная перспектива многоуровневого конституционализма в Европе. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2018;1:33–53.
26. Нерсесянц ВС, Графский ВГ, Мамут ЛС, редакторы. *История буржуазного конституционализма XIX в.* Москва: Наука; 1983. 296 с.
27. Grabenwarter Ch. Separation of powers and the independence of Constitutional Court and equivalent bodies [Internet; cited 2024 July 1]. Available from: https://www.venice.coe.int/WCCJ/Rio/Papers/AUT_Grabenwarter_keynotespeech.pdf.
28. van Alstyne WW. A critical guide to Marbury vs Madison. *Duke Law Journal*. 1969;1:1–47.
29. Гаджиев ХИ. Роль судебной аргументации в эволюции законодательства и правоприменения. *Журнал российского права*. 2020;9:91–105. DOI: 10.12737/jrl.2020.109.
30. Нерсесянц ВС. *Право и закон. Из истории правовых учений*. Москва: Наука; 1983. 366 с.
31. Недбайло ПЕ. О юридических гарантиях осуществления советских правовых норм. *Советское государство и право*. 1957;6:20–29.

References

1. Bondar' NS. *Ekonomicheskii konstitutsionalizm Rossii: ocherki teorii i praktiki* [Economic constitutionalism of Russia: essays on theory and practice]. Moscow: Norma; 2021. 272 p. Russian.
2. Kravets IA. Communicative constitutionalism, constitutional involvement and citizenship in the public legal space of the algorithmic and information society. *Lex Russica*. 2023;76(11):41–56. Russian. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.041-056.
3. Marmor A. Are constitutions legitimate? *Canadian Journal of Law and Jurisprudence*. 2007;20(1):69–94. DOI: 10.1017/S0841820900005701.
4. Avak'yan SA. *Konstitutsionnyi leksikon. Gosudarstvenno-pravovoi terminologicheskii slovar'* [Constitutional lexicon. State-legal terminological dictionary]. Moscow: Yustitsinform; 2015. 639 p. Russian.
5. Vitruk NV. *Vernost' Konstitutsii* [Fidelity to the Constitution]. Moscow: RAP; 2008. 272 p. Russian.
6. Lazarev VV. On the integrative understanding of constitutionalism. *Journal of Russian Law*. 2023;5:39–53. Russian. DOI: 10.12737/jrp.2023.050.
7. Gorban' VS. On the nature of R. Iering's legal views. *Justice*. 2021;3(4):30–41. Russian. DOI: 10.37399/2686-9241.2021.4.30-41.
8. Loughlin M. What is constitutionalisation? In: Dobner P, Loughlin M, editors. *The twilight of constitutionalism?* Oxford: Oxford University Press; 2010. p. 48–73.
9. Veber M. *Khozyaistvo i obshchestvo. Ocherki ponimayushchei sotsiologii* [Economy and society. Essays on understanding sociology]. Moscow: Publishing House of Higher School of Economics; 2016. 448 p. Russian.
10. Kotlyarevskii SA. *Vlast' i pravo: problema pravovogo gosudarstva* [Power and law: the problem of the rule of law]. Moscow: Izdatel'stvo G. A. Lemana, S. I. Sakharova; 1915. 417 p. Russian.
11. Glazyrin VV, Kudryavtsev VN, Nikitinskii VI, Samoshchenko IS. *Effektivnost' pravovykh norm* [Effectiveness of legal norms]. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1980. 280 p. Russian.
12. Peters A. [Legal systems and the process of constitutionalisation: a new definition of the interrelationship]. *Digest für öffentliches Recht*. 2013;2:239–333. Russian.
13. Grafskii VG, Slavin MM, editors. *Filosofiya prava i konstitutsionalizm. Materialy chetvertykh filosofsko-pravovykh chtenii pamyati akademika V. S. Nersesyantsa; 2 oktyabrya 2009 g.; Moskva, Rossiya* [Philosophy of law and constitutionalism. Materials of the 4th philosophical and legal readings in memory of academician V. S. Nersesyants; 2009 October 2; Moscow, Russia]. Moscow: Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences; 2010. 241 p. Russian.
14. Gradovskii AD. *Gosudarstvennoe pravo vazhneishikh evropeiskikh derzhav* [State law of the most important European powers]. Saint Petersburg: Panteleev; 1895. 561 p. Russian.
15. Lassal' F. *Sochineniya. Tom 2* [Works. Volume 2]. Saint Petersburg: Izdanie Glagoleva; 1905. [On the essence of the constitution]; p. 3–32. Russian.
16. Leist EO. [Three concepts of law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1991;12:3–11. Russian.
17. Chirkin VE. *Kontrol'naya vlast'* [Control power]. Moscow: Yurist; 2008. 214 p. Russian.
18. Vedeneev YuA, Zaitsev IV, Polyakov LV, compilers. *Politicheskie instituty, izbiratel'noe pravo i protsess v trudakh zapadnoevropeiskikh myslitelei XVII – nachala XX veka* [Political institutions, suffrage and process in the works of Western European thinkers of the 17th and early 20th centuries]. Veshnyakov AA, editor. Kaluga: Simvol; 2003. 881 p. Russian.
19. Gevorkyan MV. [Origins of the theory of separation of powers]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 2010;11:116–120. Russian.
20. Mojapelo Ph. The doctrine of separation of powers (a South African perspective). *Advocate. Journal of General Council of the Bar of South Africa*. 2013;26(1):37–46.
21. Tikhomirov YuA. [On the new «spirit of laws» or... goodbye, Montesquieu?]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2011;2:97–104. Russian.
22. Kel'zen G. [Judicial guarantee of the constitution (constitutional justice). Part 1]. *Pravo i politika*. 2006;8:5–14. Russian.
23. MacCormick N. Beyond the sovereign state. *Modern Law Review*. 1993;56(1):1–18.

24. Eleftheriadis P. Power and principle in constitutional law. *Netherlands Journal of Legal Philosophy*. 2016;2:37–56. DOI: 10.5553/NJLP/000052.
25. Uitts R, Shayo A. [The sovereign strikes back: a judicial perspective on multilevel constitutionalism in Europe]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2018;1:33–53. Russian.
26. Nersesyants VS, Grafskii VG, Mamut LS, editors. *Istoriya burzhuaznogo konstitutsionalizma XIX v.* [History of bourgeois constitutionalism of the 19th century]. Moscow: Nauka; 1983. 296 p. Russian.
27. Grabenwarter Ch. Separation of powers and the independence of Constitutional Court and equivalent bodies [Internet; cited 2024 July 1]. Available from: https://www.venice.coe.int/WCCJ/Rio/Papers/AUT_Grabenwarter_keynotespeech.pdf.
28. van Alstyne WW. A critical guide to Marbury vs Madison. *Duke Law Journal*. 1969;1:1–47.
29. Hajiyev KhI. The role of judicial argumentation in the evolution of legislation and law enforcement. *Journal of Russian Law*. 2020;9:91–105. Russian. DOI: 10.12737/jrl.2020.109.
30. Nersesyants VS. *Pravo i zakon. Iz istorii pravovykh uchenii* [Law and order: from the history of legal doctrines]. Moscow: Nauka; 1983. 366 p. Russian.
31. Nedbailo PE. [On legal guarantees for the implementation of Soviet legal norms]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1957;6:20–29. Russian.

Статья поступила в редколлегию 15.07.2024.
Received by editorial board 15.07.2024.